

В его руках была красивая скрипка, подарок мамы на день рождения — предыдущая уже была испорчена, он переиграл струны, он с нетерпением ждал, что в свой день рождения сыграет для папы и мамы свою любимую «Сонату «Весна»».

Дверь была прямо перед ним.

Он мягко постучал, три звука «тук-тук-тук», передавая неудержимое радостное настроение.

Нет реакции.

Может, папа не услышал?

Он взялся за ручку, попробовал повернуть. Не заперта.

Тогда послушно сказал:

— Папа, я вхожу, — и тихонько толкнул дверь, войдя внутрь—

В двусмысленной темноте переплелись страшные чудовища.

Отвратительные, грязные, скверные—

Чудовища.

В воздухе тоже витал тонкий странный запах, словно доносящийся с болота, сырой и липкий.

Он услышал, как одно чудовище томным, гнусавым голосом сказало:

— Господин Янь, кажется, вы раньше говорили, что сегодня день рождения вашего молодого господина, разве вам ничего, что вы здесь со мной?

Другое чудовище тихо ахнуло, с полным раскаянием:

— Пропаду, я чуть не забыл! Неужели этот уродец ждет? Эх, как же это надоело!

[Бам]

Скрипка с грохотом упала на пол, оборванные струны продолжали издавать слабый негодующий гул.

Два чудовища в панике спрыгнули с кровати, пытаясь протянуть руки, чтобы схватить его, рты непрерывно открывались и закрывались, словно они что-то старательно говорили.

Не слышу. Не слышу. Не слышу!

Он отчаянно отступал назад.

Ему нужно было бежать.

Иначе чудовища схватят его — схватят и превратят в такое же грязное существование, как они.

Держитесь подальше... держитесь подальше!

Как грязно... как отвратительно...!

Не трогайте меня... не приближайтесь!

Он, спотыкаясь, развернулся и врезался в мягкие и хрупкие объятия.

Чистые, как облако, невесомые, как облако.

— Мама... — он поднял голову.

Взгляд Вэнь Линсинь равнодушно скользнул по его лицу, спокойно устремившись на тех двух чудовищ.

Пустой, растерянный, усталый.

Казалось, она что-то сказала, а казалось, и ничего не говорила.

Затем она мягко — мягко, но очень решительно оттолкнула его.

Словно отгоняя что-то невыносимо грязное.

В ушах словно заскрипел старый патефон, четко воспроизводящий нежные звуки, существующие лишь в фантазиях.

— Сяожун, счастливого тринадцатилетия!

— Перед тем как задуть свечи, не забудь закрыть глаза и загадать желание!

И он послушно крепко зажмурился, надул щеки—

[Фуу]

Мама и папа вместе радостно захлопали.

— С днем рождения!

— С днем рождения!

— С днем рождения!

...

— С днем... рождения...

Звук словно внезапно заело, растянувшись в скрипучий странный шум, долбящий по барабанным перепонкам.

Мгновенно исчез, наступила мертвая тишина, абсолютнее, чем в вакууме космоса.

Янь Жунцю поднял ресницы.

Все перед глазами было размыто, прыгало двойными изображениями, с трудом вновь собравшись и обретя форму.

Он все еще стоял на сцене, держа скрипку, рука со смычком опущена вдоль тела, сохраняя точно такую же позу.

Прошло всего несколько минут, но звуки перешептываний в зале стали громче и шумнее, несколько прямых трансляций на видео-платформах вот-вот взорвутся от комментариев.

[Что сейчас происходит?]

[Технический сбой?! Это точно технический сбой!]

[Эмम्म, так если не умеешь, зачем тогда лезть?]

[Мне так неловко, что я могу проскрести пол тремя комнатами и гостиной]

[Еще более духозахватывающе, чем когда звезды дрались и рвали друг другу волосы за место в центре группового фото]

[Разве с момента постройки Концертного зала «Лазурное озеро» такое случалось?]

[Капитал, пожалуйста, не играйте с классической музыкальной сценой? Чувствуется тошнота]

Несколько представителей Инли Энтертейнмент переглянулись, улыбаясь еще шире.

Знали, что Янь Жунцю окажется в неловком положении, но не ожидали, что он дойдет до такой степени неловкости, действительно приятно, действительно отрадно!

С такими людьми нужно ломать их самооценку, заставлять их страдать молча, заставлять их безысходно смотреть, как все усилия обращаются в ничто, заставлять их перед глазами миллионов людей ощущать бессилие, поражение, стыд от того, что самый важный имидж корпорации разрушен из-за них!

В этот самый момент Янь Жунцю действительно, как они и ожидали, ненавидел себя, корил себя, снова и снова проклиная свою слабость и бессилие.

Но...

Не могу!

Он никак не мог вспомнить ту когда-то самую знакомую мелодию, руки словно были скованы невидимыми призраками, твердо ограничивающими все его действия.

Сдаться?

Сдаться.

Сдавленное дыхание Янь Жунцю медленно растворилось в воздухе.

— Я...

Внезапно густой мрак, окружавший его, словно был прорван, с другой стороны сцены белый луч света неожиданно окутал, осветив небольшую область.

Ореол и лучи света разлетались во все стороны, свободно разливаясь на высокого молодого человека у пианино.

Соприкоснувшись с ним, они, казалось, быстро померкли и наконец угасли.

Потому что он сам был самым ослепительным источником света.

— Давайте, начинаем.

Юноша повернул голову, слегка улыбаясь.

— Настоящая—

— Соната «Весна».

Хэ Чжу поднял руки, белые кончики пальцев мягко опустились на клавиши, выскользнув ряд нежных и живых аккордовых нот, подобно весеннему пруду, взволнованному легким ветерком, расходясь кругами, разливаясь под сводами всего концертного зала.

Весна.

Дух весны.

Дух весны, содержащий свет и тепло, медленно поднимался от земли под ногами Янь Жунцю, наполняя пространство его существования.

Те невидимые призраки, что крепко сковывали его, наконец оробели, с шипением исчезая.

Янь Жунцю снова поднял смычок, опустив его на струны—

Проспавшая более трехсот лет «Мессия» наконец пробудилась, издав первый живой и прекрасный крик.

Мгновенно весь зал озарился.

Все, и гости в зале, и зрители перед экранами, невольно затаили дыхание, боясь пропустить любую очаровательную и прекрасную ноту.

Пианино медленно зазвучало светлой музыкой, переплетаясь с меланхоличной скрипкой, то расходясь, то сливаясь, чередуясь и продвигаясь вместе, создавая мелодию, вызывающую безудержные фантазии, полную нежности, словно излияние, подобно вздоху, подобно близкому шепоту влюбленных.

Сонаты для скрипки Бетховена — не чисто скрипичные произведения с пианино в качестве аккомпанемента или второстепенной роли. Оба инструмента равноправны, и исполнение произведения также делится поровну.

Поэтому, когда оба идеально переплетаются и сливаются, они рожают необыкновенно чудесный сладкий плод. В сочной свежей мякоти накоплена сладкая и драгоценная нектарная роса, даже если лишь капля попадет между губ и зубов, полностью утонешь в ней.

Погрузиться в грезы, никогда не возвращаясь.

Неизвестно, от волнения или крайней концентрации, сердце Янь Жунцю начало трепетать, в глазах быстро скопилась легкая влажная дымка, затуманивая и ослабляя все чувства, каждый дюйм тела, даже душу, обволакивали звуки пианино, вели их, неразрывно и крепко обнимая.

Как коварно.

Оно настойчиво сладкими шепотами, нежными уговорами заманивало скрипичные звуки следовать за собой в неизведанный рай, одновременно уговаривая и принуждая другую сторону попробовать и проглотить все густые и сладкие тайны.

По мере подъема и продвижения музыки, все мелодии, извлекаемые скрипкой, полностью преследовались и овладевались звуками пианино, и наконец она могла лишь дрожа открывать каждую ноту, охотно позволяя требовать себя, расплавлять себя, достигая ослепительно яркого состязания в финальной части.

Произведение завершилось.

После мгновения абсолютной тишины весь зал взорвался громоподобными аплодисментами.

Слишком идеально! Это совершенство превзошло сами инструменты, это была безупречная высочайшая гармония двух исполнителей—

Даже сам Янь Жунцю был озадачен, то ощущение знакомства, пронизывающее каждую секунду всего тела, тонкое, близкое и весьма невероятное, словно какие-то далекие воспоминания через совместное исполнение из недостижимой грезы постепенно становились близкой реальностью.

Он посмотрел на Хэ Чжу.

Юноша шел к нему.

<http://bllate.org/book/15591/1389749>